ПОМОГИТЕ РАЗОБРАТЬСЯ

«Как стать актером?», «Сообщите адреса театральных училищ», «Что мне делать, если меня не интересует ничего, кроме театра?», «Пусть на страницах «Комсомольца» выступит артист и расскажет о своей работе», — это строки из писем, которые прислали в редакцию Ю. Владимирова из Миасса, Л. Конюхова из Пласта, Р. Халимов со станции Бердяуш, Л. Кульбина и А. Якушев из Магнитогорска, О. Рассадникова и Н. и Т. Морозовы из Челябинска и даже целый класс из школы села Демарино.

Выполняем вашу просьбу, читатели. Сегодня о профессии актера расскажет Лариса Малеванная.

Л. Малеванная после окончания Ленинградского института театра, музыки и кино работала в Красноярском театре юного зрителя, затем в Ленинграде — в театре им. Ленсовета, сейчас — в театре имени Ленинского комсомола.

Роли, которые ей довелось играть: Надя Резаева («Старшая сестра» А. Володина), Жанна Д'Арк (в пьесе Ж. Ануйля), Анна-Лиза («Пассажирка» по повести З. Посмыш), Марютка («Сорок первый» по рассказу Б. Лавренева), Анфиса («Две зимы и три лета» по роману Ф. Абрамова) и другие.

Кинозрители могли видеть Ларису Малеванную в фильме «Над Волгой» (по пьесе В. Розова «В день свадьбы»), она играла Нюру Салову. Сейчас, работая в театре, актриса в то же время снимается в кино — на «Ленфильме» идут съемки картины «Пилот первого класса».

И ВСЕ ЭТО ТЕАТР

Лариса МАЛЕВАННАЯ,
актриса
Ленинградского театра
им. Ленинского комсомола.

Для меня тоже с детства было решено — в актрисы, никуда больше. Пока была маленькой, всем это нравилось: что-то я пела, что-то танцевала, хвалили. А когда подросла, забеспокоились: брось эти мечты, не для тебя они, разве в актрисы такие, как ты, идут? И я понимаю сейчас это беспокойство старших — слишком далеким и недоступным казался из деревни в Краснодарском крае, где жила наша семья, Ленинград (а я почему-то стремилась только в Ленинград), слишком не увязывалось вместе — красивые киноактрисы, смотревшие на нас с экрана, и я.

Окончила школу, а денег, чтобы поехать в Ленинград, нет. Я говорю дома — буду работать, накоплю, поеду. Но ведь родителям хочется как можно скорее «пристроить» детей, и их беспокойство надо понимать. Я пошла в désинститут. Проучилась три с половиной курса и бросила все, поехала в Ленинград и поступила-таки в институт театра, музыки и кино на... режиссерский факультет.

Почему на режиссерский? На актерский принимали до двадцати двух лет. Мне—двадцать один, а надежды, что поступлю сразу, никакой. Думала, еду на разведку, чтобы к будущему году подготовиться. Но поступила. И даже (похвастаюсь) окончила с отличием.

Но режиссером не стала. Стала актрисой. Потому что режиссура, в общем, мне неинтересна. Я хочу играть.

Для большинства из тех, кто стремится в театр (особенно—девочек), наша работа окружена романтической дымкой: «призрачный воздух кулис», красивые, необычные костюмы, грим, полумрак зрительного зала, аплодисменты, цветы и письма от зрителей. Я тоже это люблю в театре.

Но не в этом главное актерское счастье.

В чем? В минутах (увы, не так уж частых), когда достигается такой контакт с залом, что и я, актриса, и зрители охвачены одним чувством, когда меня слушают, и каждое слово находит отклик.

Но это возможно только когда слова, написанные драматургом, так близки мне, актрисе, так отвечают моим мыслям и чувствам, будто это мои слова, я их придумала. Просто я не умею облечь их в драматическую форму, и за меня это сделал писатель.

Но для того, чтобы это стостоялось, нужно, чтобы у актера были свои мысли и чувства, свой взгляд на мир, на жизнь, на проблемы, волнующие современника.

«Кроме театра, меня ничего не интересует». Будем надеяться, что в письме речь идет только о выборе профессии. Потому что человек, ограничивший свои интересы только театром, хорошим актером не станет. Ему нечего будет сказать людям, и люди это поймут.

Работа в театре отнимает много сил и времени. Может быть, я читаю меньше, чем хотелось бы, чем нужно, зато знаю, что читать, не так уж много вижу, но стараюсь не пропустить наиболее интересное. Иначе—нельзя.

Но в одном я не могу быть ниже зрителя, более того, быть выше—моя профессиональная обязанность: в понимании движения человеческой души, в точном определении состояния человека, причин, что привели его к этому состоянию. Вот вошел в комнату человек. Что у него — горе или просто мелкая неприятность? Почему? Какие чувства и мысли движут его поступками? Это и должна уметь понять по его мимике, движениям и т. д.

Это работа (именно работа, я не оговорилась) заставляет актера всегда быть в напряжении, вместе быть Шерлоком Холмсом для себя.

Это приводит иногда к поступкам, которые человеку, незнакомому с нашей работой, покажутся кощунственными.

У меня было горе. Очень большое. Казалось, и думать ни о чем другом не смогу, только об этом горе. И все же я ловила себя на том, что привычный актерский самоконтроль продолжается. Почему я не плачу? Почему мне стало совсем плохо именно в эту минуту? Что повлияло — окружающее или воспоминание, что всплыло вдруг? Как появилось это мое состояние внешне? И почему уже через три дня я смогла рассказать друзьям смешную историю?

У меня было много работы. Я очень устала, а работа никак не ладилась. Нервы были «на пределе». И как только я смогла остаться одна, я дала себе волю — расплакалась. Слезы, я надеялась, принесут облегчение. Но вместо этого, я вспомнила, как вчера на репетиции плакала героиня спектакля, которую я играла. Тогда слезы на сцене не получились. Но вот они, слезы—она, наверное, должна плакать так, как плачу сейчас я... И слезы усталости, обиды, раздражения сменились слезами радости — нашла, нашла состояние героини, надо запомнить его, надо воспроизвести его на сцене!

Вот что такое работа в театре. Она забирает все силы, все время человека. От нее никуда не уйдешь, она не укладывается в часы репетиций и спектаклей, продолжается дома, на улице, в трамвае, в очереди, за книгой, в кино...

Я часто вспоминаю один случай. Я работала тогда в Красноярске. Собрались актеры вечером, после спектакля. Усталые. Договорились, будем просто петь песни, разговаривать. И — ни слова о театре. Кто проговорится, бросает в кружку двадцать копеек. Через час кружка была полна.

Тем, кто мечтает о театре и надеется осуществить свою мечту, не надо готовить себя к легкой и безоблачно счастливой жизни. Даже очень хороший актер не застрахован от неудач: несовпадение возможностей актера и требований, предъявляемых ролью. И тогда, если тебя не снимут с роли (что всегда, даже если понимаешь, что это справедливо, переживаешь мучительно), начинается пытка: из вечера в вечер выходишь на сцену и демонстрируешь сотням людям свою беспомощность. Это страшно — поверьте мне.

Но, если работа идет нормально, то никакие бытовые трудности не станут помехой настоящему актерскому счастью. В Красноярске, куда мы, группа выпускников-ленинградцев, приехали создавать новый театр юного зрителя, театр размещался в окраинном Дворце культуры. Казалось, нет никаких условий для работы. Мы репетируем в комнате буфета, а рядом стоит буфетчица и кричит: «Закругляйтесь, пиво привезли, бочки сюда вкатывать будем!». Над головой — комната, где репетирует самодеятельный оркестр. Декорации делаем сами, костюмы перешиваем сами (хороших портных нет), гримироваться негде... Но осуществлялись творческие замыслы, и три с половиной года в Красноярске я вспоминаю теперь, как годы, наполненные счастьем.

Юности свойственна уверенность в своих силах и способностях. И единственной преградой кажется конкурс при поступлении в институт. А уж если зачислили в театральный вуз, кажется, все, цель достигнута. Буду актером. Если бы так! Конкурс — не гарантия пригодности к профессии, предъявляющей так много требований к тем, кто избрал ее делом жизни. Самоуспокоения не будет. А будет — вам же хуже.

Кажется, я вас пугаю... Но, во-первых, хочется по-честному предупредить, что профессия актера, как, впрочем, и каждая другая, не терпит легкомысленного подхода, а, во-вторых, в театре говорят: «Если ваши дети хотят стать актерами, постарайтесь помешать им в этом». А уж если человек прорвался через все преграды, значит он всерьез тянется к сцене.